

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ № 3
АРХЕОЛОГИЯ 1980

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

*И. И. Артеменко, В. Д. Блаватский, Н. Н. Гурина,
Л. В. Кольцов* (отв. секретарь), *В. В. Кропоткин,
Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев,
А. П. Окладников, В. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева* (зам. главного редактора),
А. А. Формозов

Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978, 238 с., 140 рис., 18 табл.

Автор рецензируемой работы посвятил более 10 лет изучению дольменов Западного Кавказа. Материалы раскопок, обмеры, зарисовки многих десятков этих интересных памятников уже нашли свое частичное отражение в публикациях В. И. Марковина¹. В рассматриваемой монографии делается первая попытка обобщения не только результатов исследований самого автора, но фактически впервые подводится итог более чем 150-летнему изучению западнокавказских мегалитов бронзовой эпохи. Книга состоит из введения, шести глав и заключения.

Во введении автор с достаточной полнотой² рассматривает историю изучения дольменной культуры Западного Кавказа, кратко формулирует те проблемы и задачи, для решения которых была создана в 1967 г. специальная экспедиция Института Археологии АН СССР.

В первой главе — «Территория распространения дольменов» автор, приведя краткую характеристику физико-географических условий района распространения дольменов, публикует затем чрезвычайно интересный список дольменных местонахождений Западного Кавказа. Если в наиболее полном и обстоятельном до сих пор списке Л. И. Лаврова насчитывалось 1139 дольменов³, то в каталоге В. И. Марковина, потребовавшем исключительно кропотливой работы, содержатся сведения о 2308 гробницах, сосредоточенных в 190 пунктах, причем, как это справедливо пишет автор (с. 54), названное число еще далеко не полно. Здесь следует отметить условность пунктов 165—168 (с. 51). Неоднократные поиски рецензента не смогли подтвердить при-

¹ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа.— СА, 1973, № 1; *его же*. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974.

² Рецензент смог отметить лишь одну работу, не учтенную автором — Козников А. Н. О дольменах на р. Псезуапсе.— ИКМ, т. IX, вып. 1, 1916, с. 53—55.

³ Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа.— Тр. АИ, т. XXXI, 1960.

существование дольменов в ущелье Джампала и у сел Чхалта и Джгерда, а плита из Очамчыры вообще с дольменами не может быть связана ⁴. Следовательно, юго-восточную границу распространения дольменной культуры Западного Кавказа сегодня нужно проводить по линии Эшера — Яштух — Азанта ⁵.

Наиболее объемиста вторая глава книги, посвященная типологии и архитектуре дольменов. Автор с незначительными поправками принял классификацию Л. И. Лаврова, которая действительно «является наиболее четкой и охватывающей все основные разновидности дольменов» (с. 59). В соответствии с этим выделены дольмены плиточные, составные, корытообразные и монолитные.

Среди плиточных дольменов первого вида автор выделяет каменные ящики, двухкамерные и порталные гробницы, дольмены с порталными выступами и «обычные» наиболее распространенные трапециевидного плана. К плиточным дольменам второго вида отнесены многоугольные гробницы, подобные сооружению на р. Фарс. Следует отметить, что двухкамерные гробницы Новосвободной и особенно каменные ящики типа ахупачского занимают типологически обособленное положение в системе рассматриваемых памятников. В этом отношении доводы А. Д. Резепкина ⁶ представляются убедительными, хотя в то же время рецензент целиком разделяет мнение В. И. Марковина о принадлежности гробниц Новосвободной к дольменной культуре. Существующие различия следует объяснять не тем, что эти гробницы имеют «другое происхождение» ⁷, а скорее тем, что эти памятники характеризуют «период первоначального экспериментирования» ⁸. Поэтому, вероятно, было бы правильнее выделить новосвободненские гробницы подобно многоугольным сооружениям в отдельный вид памятников дольменной культуры.

Очень пока условна группа каменных ящиков. Большинство их исследовано без достаточной документации еще с XIX в., часть их явно перекликается с составными дольменами (с. 61), а единственный памятник этого вида, раскопанный В. И. Марковым в бассейне р. Кизинка, по своим основным характеристикам (за исключением отверстия) сближается с обычными трапециевидными в плане дольменами (с. 63). Следует также отметить, что дольмены с порталами, объединенные автором в одну группу с новосвободненскими двухкамерными гробницами, было бы, вероятно, логичнее сближать с дольменами с широкими порталными выступами (ср. рис. 105, 5 и 7). В этом отношении очень важно наблюдение В. И. Марковина, что «портальные сооружения... почти всегда вписываются в ряды, образуемые дольменами других вариантов и типов» (с. 85).

Среди «обычных», наиболее распространенных плиточных дольменов, отнесенных к четвертому варианту, В. И. Марковин выделяет три разновидности: трапециевидные с почти полным совпадением ширины камеры в передней части с ее длиной (к ним отнесено большинство дольменов Абхазии), с подчеркнутой трапециевидностью плана и укороченной камерой, характерные для всей территории распространения дольменов, и лишенные пропорциональной соразмерности гробницы. В отмеченной разнице автор усматривает хронологический признак и предлагает считать дольмены первой разновидности наиболее древними, а третьей — наиболее поздними, хотя не исключено, что в отдельных случаях подобные различия могут носить не столько хронологический, сколько локальный характер (например, дольмены Абхазии).

Рассматривая составные дольмены, автор неоднократно подчеркивает, что для «Абхазии они не характерны» (с. 135, 323). Однако к этому типу, вероятно, должны быть отнесены дольмены в Псху и в ущелье р. Гумриш ⁹. В первом случае три стены (боковые и фасадная) составлены из двух частей (рис. 17, 7), во втором — и боковые стены имели двухъярусную структуру (рис. 17, 5). Не исключено, что к составным дольменам относятся и округлые в плане гробницы Азанты ¹⁰. Интересны наблюде-

⁴ Воронов Ю. Н. Гленос.— СА, 1976, № 4, с. 55, рис. 6, 26.

⁵ Воронов Ю. Н. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии). Автореф. канд. дис. М., 1971, с. 18.

⁶ Резепкин А. Д. Рец.: Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974.— СА, 1977, № 4, с. 314, 315.

⁷ Там же, с. 317.

⁸ Воронов Ю. Н. История..., с. 19.

⁹ Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, табл. VI, 11, 14.

¹⁰ Соловьев Л. Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района.— Тр. АИ, т. XXXI, 1960, табл. II, 2, 4.

ния автора о возможной преемственности между многогранными гробницами ново-свободненского этапа и более поздними округлыми дольменами (с. 141—143).

Среди корытообразных дольменов В. И. Марковин выделяет пять вариантов. К первым двум отнесены гробницы, с одинаковой тщательностью обработанные изнутри и снаружи, но различающиеся по присутствию или отсутствию отверстия. Третий вариант характеризуется обработанной извне лишь фасадной частью при сохранении естественных форм глыбы со всех остальных сторон. Четвертый вариант назван автором ложнопортальным — вход в них сделан в задней или боковой стенах, а на фасаде присутствует лишь имитация пробки. Пятый вариант представлен гробницами, установленными вверх дном.

Рассматривая каждый из перечисленных вариантов дольменов и дольменовидных гробниц, В. И. Марковин приводит исчерпывающие сведения почти о каждом описываемом им объекте, снабжая текст большим числом четких рисунков и фотографий, способствующих объективному восприятию материала. Благодаря специальным таблицам (№ 1—12) читатель получает полное представление о форме, размерах не только самих дольменов, но и всех их составляющих элементов (стены, покрытия, пол, пробки, отверстия, насыпи и др.). Тщательный типологический и архитектурный анализ внешнего оформления дольменов и выявление на этой основе пропорциональных соотношений между различными частями их камер позволили В. И. Марковину заметить в целом достаточно убедительную периодизацию этих сооружений (с. 185).

Третья глава рецензируемого труда посвящена технике строительства дольменов Западного Кавказа. Автор подробно рассматривает вопрос о модуле — мере пропорциональности частей постройки, за который предлагает принимать высоту отверстия (стр. 188), затем прослеживает процесс заготовки плит, их переброску к месту строительства и обработку, анализирует орудия, использовавшиеся при этом, воссоздает убедительную картину сборки дольменов.

В четвертой главе делается попытка реконструкции погребального ритуала строителей дольменов, которая основывается на расположении и оформлении самих гробниц, а также на анализе сохранившихся данных о положении костяков и сопровождавшего их инвентаря. Автор провел кропотливую работу по систематизации данных о сочетании различных типов дольменов в группах и их ориентации по странам света (табл. 13—16). Впервые убедительно показано, что дольмены в большинстве (599 из учтенных 644) обращены своей фасадной частью «к свету, к солнечным, ярко освещенным сторонам» (с. 210) — на юг, юго-восток, юго-запад и восток. Автор прослеживает черты ритуального кормления покойников, отмечает культовый характер фаллической формы пробок, выпуклостей на стенах дольменов, чашеобразных углублений, орнаментальных мотивов, солярных знаков, кромлеховидных оград и двориков. К сожалению, автор не проверил правильность прориси А. М. Тальгрена орнаментов дольмена на р. Жане (рис. 9, 3), где на фасадной стене имеется четкое изображение портала — двойной перекладины на двух столбах, а зигзагообразные линии украшают как торцы боковых плит, так и внутреннюю поверхность боковых и задней стенок дольмена. Отметив известные на сегодняшний день черты погребального обряда в дольменах (скорченные захоронения в новосвободненских гробницах, в сидячей позе и вторичные в обычных дольменах), автор совершенно справедливо подчеркивает, что «пока еще накоплено не очень много материала, чтобы о многих чертах дольменного ритуала можно было говорить категорично, как о непреложных фактах» (с. 231).

В пятой главе проведен анализ археологических находок в дольменах и вблизи них, рассматриваются вопросы хронологии этих памятников. Особую ценность имеет ввод в научный оборот материалов из Дегуакско-Даховского поселения, где были обнаружены остатки жилищ, хозяйственные ямы, печь для обжига керамики, несколько тысяч фрагментов керамики, литейная форма топора, кремневые вкладыши для серпов и наконечник стрелы, каменные мотыги, терочники, изделия из кости и рога. Весь археологический материал, обнаруженный в дольменах, В. И. Марковин делит на четыре хронологических группы. В первую включены находки феодального и скифо-сарматского времени, во вторую группу вошли материалы колхидской и протомеотской культур, в третью — находки в гробницах Новосвободной и в четвертую — набор изделий, характерных для основной массы западнокавказских дольменов.

Суммарному рассмотрению материалов последних двух групп уделена основная часть главы. В керамике В. И. Марковиным выделены сосуды шаровидной формы, вытянутых пропорций с ручками или без них, с выделенным венчиком и орнаментированными ручками, низкие широкие сосуды, кринкообразные и грушевидные изделия, приземистые горшки, кружки баночной формы и миски или чашки. В работе, к сожалению, не учтены материалы поселения Каман I (Абхазия), а также типология керамических находок в абхазских дольменах¹¹.

Подробно проанализированы изделия из металла — оружие (кинжалы, топоры), орудия труда (тесла, пилы), предметы быта (крюки) и украшения (височные кольца, спиральки, бусы). Очень важен вывод автора, основанный на этом анализе, что «нет оснований как-либо отделять дольмены, расположенные на территории Абхазии от построек прикубанской части Западного Кавказа» (с. 274). Вывод этот полностью согласуется с результатами проведенного ранее комплексного изучения материалов из дольменов Абхазии¹². Интересны данные анализа остеологического материала из дольменов, показавшие, что большинство костей животных принадлежит собаке, лошади и свинье. Сочетание майкопских и дольменных черт в гробницах Новосвободной В. И. Марковин усматривает в «самых тесных и, очевидно, дружеских контактах» (с. 275) между носителями этих культур, хотя не исключено, что это явление связано с переходным характером памятников.

В. И. Марковин справедливо указывает на исключительную сложность вопросов хронологии дольменной культуры. Отметив, что «новосвободненский этап» большинством исследователей датируется в рамках 2300—2000 гг. до н. э., автор далее датирует находки из ахупачских каменных ящиков, а вместе с ними и древнейший этап дольменной культуры «началом второй половины III тысячелетия до н. э., примерно около 2400 г. до н. э., может быть, несколько позже» (с. 279). Справедливо упоминая о синхронности ранних дольменов и Очамчирского поселения, В. И. Марковин, к сожалению, не приводит даты последнего, определенной Л. Н. Соловьевым 2200—1800 гг. до н. э.¹³, а рецензентом — 2000—1500 гг. до н. э.¹⁴ Далее автор предлагает ограничить дату новосвободненских гробниц и «основной массы памятников Абхазии» 2300 г. до н. э. (стр. 280). Опорные даты последующего периода: Дегуакско-Даховское поселение, по методу С¹⁴ датированное 2060±80 лет до н. э.; бронзовая подвеска, характерная для второго этапа северокавказской культурно-исторической области (1700—1500 гг. до н. э.); бронзовые наконечники копий второй половины II тысячелетия до н. э. Если дата раннего этапа дольменной культуры требует еще дополнительного обоснования, то тот вывод автора, что «эпоха расцвета дольменной культуры приходится на первую половину II тысячелетия до н. э. (синхронна в определенной степени второму этапу северокавказской культуры)» (с. 282), представляется бесспорным.

В шестой главе — «Дольмены Западного Кавказа и дольмены мира — вопросы связей и происхождения» В. И. Марковин приводит исключительно интересный обзор мегалитических построек мира (Япония, Корея, Северная Африка, Сирия, Иордания, Европейская Турция, Болгария, Сардиния, Португалия, Франция и др.). На основе этого обзора автором сформулирована гипотеза, согласно которой в так называемый «первый период морской торговли» (2600—2100 гг. до н. э.) со стороны Пиренейского полуострова и Сардинии, где имеются наиболее близкие аналогии ранним кавказским дольменам, в сторону Кавказа морским путем произошло передвижение какой-то довольно значительной группы населения, высадившейся на черноморский берег и, перейдя Западный Кавказ, потеснившей к востоку носителей майкопской культуры (с. 312, 313). Позже, к концу II тысячелетия до н. э., как полагает автор, «строители дольменов полностью растворяются среди окружающих племен» (с. 318).

В. И. Марковин очень убедительно показал несостоятельность аргументации

¹¹ Воронов Ю. Н. История..., с. 18, 19; *его же*. Археологическая карта..., с. 33, 34, табл. XIX, 44—47, 49, 52, 53, 58, 60—64; XX, 3, 22—24, 46; XXI, 29.

¹² Воронов Ю. Н. История..., с. 19, 20.

¹³ Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. — Тр. АИ, т. XXIX, 1958, табл. VI.

¹⁴ Воронов Ю. Н. История..., с. 16.

Л. Н. Соловьева и Я. А. Федорова, обосновывавших связь между появлением дольменов на Западном Кавказе и передвижениями кашков (с. 287—289). Отсутствуют, однако, и данные о передвижении создателей дольменов от побережья к району Новосвободной. Не вносят ясности в этот вопрос и ахупачские ящики, которые находятся глубоко в горах на высоте 1000 м. В. И. Марковин, как представляется рецензенту, вопреки мнению А. Д. Резепкина¹⁵, совершенно прав, когда включает в круг западнокавказских мегалитических памятников нальчикскую гробницу и дольменовидные сооружения у с. Кишпек (с. 317). Однако не исключено, что эти постройки связаны не с влиянием пришлых дольменостроителей, а отражают тот же процесс «первоначального экспериментирования», который, начавшись в недрах майкопской культуры, особенно ярко проявил себя в памятниках новосвободненского этапа. При обсуждении вопроса о миграциях древних мореплавателей из Средиземного моря в Черное нужно учитывать результаты исследований, показывающих, что регулярный проход кораблей через Дарданеллы стал, по-видимому, возможным лишь в конце VIII — начале VII в. до н. э.¹⁶

В заключении своей книги В. И. Марковин предлагает рассматривать дольменную культуру Западного Кавказа как один из важнейших источников абхазо-адыгского этноса (с. 321). Кратко остановившись на данных лингвистики, топонимики, этнографии¹⁷, а также на локальных особенностях этой культуры, В. И. Марковин вполне обоснованно склоняется к мысли, что население районов распространения всех четырех основных типов гробниц являлось «подосновой для возникновения значительного количества различных адыгских племен» (с. 323). Коснувшись проблемы баскокавказских связей, автор находит в этом еще одно подтверждение возможным контактам между Пиренейским полуостровом и Кавказом в III тысячелетии до н. э.

В. И. Марковиным собрано и систематизировано большое количество сведений о новых, ранее неизвестных или малоизвестных памятниках. В целом труд В. И. Марковина наглядно демонстрирует успехи советской археологии в области кавказоведения и является серьезным вкладом в изучение местных культур эпохи бронзы.